

Сов. культура — 1988 — 21 мая

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ИСКУССТВО?»

17 мая в пресс-центре МИД состоялась пресс-конференция советских и зарубежных корреспондентов с секретарями правления Союза композиторов СССР (присутствовали Т. Хренников, К. Хачатурян, И. Попов, секретарь правления Союза композиторов РСФСР Ю. Корев, руководитель пресс-центра фестиваля Е. Баранкин), посвященная III Международному фестивалю современной музыки в Ленинграде. Затем речь зашла о статье Веры Горностаевой «Кому принадлежит искусство!», напечатанной в нашей газете 12 мая. Ниже мы публикуем выдержки из той части пресс-конференции, которая относится к статье Веры Горностаевой.

Зэн Смайли, корреспондент газеты «Дейли телеграф». Господин Хренников, вы можете прокомментировать статью в «Советской культуре», где автор вас, кажется, сурово критикует за то, что вы жестко критиковали и даже преследовали выдающихся композиторов Прокофьева и Шостаковича. Вы согласны с этой точкой зрения?

Т. Хренников: Я думаю, лучше бы на этот вопрос ответил кто-нибудь из моих коллег, потому что это касается меня лично. А я потом могу добавить кое-что. Может быть, кто-нибудь из членов секретариата союза. Вот Карен Хачатурян, секретарь правления Союза композиторов, народный артист РСФСР.

Зэн Смайли: Извините, пожалуйста, я хотел бы прямо задать вопрос вам, потому что вы так много лет руководитель в области музыки. Очень хотел бы, чтобы вы ответили.

Т. Хренников: Ну, пожалуйста, я могу, мне это безразлично. Я считаю эту статью клеветнической, лживой, она не основана ни на каких фактах. Поэтому я могу самым категорическим образом заявить просто протест по поводу появления статьи в газете «Советская культура».

Какие факты я могу привести, так сказать, из своей юности? Я тогда был сравнительно молод, я не собирался заниматься никакой общественной деятельностью и не стремился к этому, писал только музыку.

Волей случая, поскольку я член партии, мне было поручено партией взять этот пост в свои руки. Правда, на Первом съезде сначала меня ввели в оргкомитет который был тогда. А потом, на Первом съезде, я был уже выбран первым секретарем. Правда, в самом начале председателем был избран Асафьев, это наш крупнейший теоретик, и он выступал с первым словом на этом съезде. Дальше следовал мой доклад. Так я хочу сказать, что я к этому докладу не имею никакого отношения. Доклад этот был написан в недрах аппарата ЦК партии и мне был дан за несколько часов до самого съезда. И когда в статье приводятся цитаты из «моего» доклада, то в этом докладе ни одной моей строчки не было. Это первое, что я хочу сказать.

И вообще я предлагаю, кто имеет претензии к 48-му году, их адресовать постановлению Центрального Комитета партии, потому что я к этому постановлению не имел никакого отношения. Я считал для себя, что Прокофьев, Шостакович и Хачатурян не только мои старшие товарищи, но и учителя, перед которыми я преклонялся. И поэтому моя задача была после этого постановления, после Первого съезда — как можно больше смириться

критические удары, которые посыпались на их головы.

Я должен тут, может быть, с гордостью сказать о том, что у нас в Союзе композиторов не был арестован ни один из композиторов в то тяжелое время репрессий. У нас никто не исключался из Союза композиторов, и даже потом, когда наступил период борьбы с космополитизмом, то же самое — никто не пострадал от этой кампании, которая была в духе культа личности, в духе сталинских времен. Сейчас уже об этом можно говорить откровенно и надо говорить откровенно. И поэтому вся моя дальнейшая работа была связана с тем, чтобы как можно больше помогать своим старшим товарищам, насколько я мог этому соответствовать. И, кстати говоря, уже в 49-м году, в 50-м и 51-м поименованные в постановлении композиторы стали получать сталинские премии.

В этой статье меня обвиняют в сталинизме. Какой я был сталинист, я вам расскажу. В начале 30-х годов у меня был арестован отец. Его выпустили, он был очень преклонного возраста, но вскоре после перенесенных переживаний в 33-м году он скончался. В 37-м году у меня были репрессированы два моих брата... Один из них погиб в концлагере в середине 40-х годов в Архангельской области. А первый брат, которого отпустили, вскоре умер...

Вот это то, что касается моего сталинизма.

Когда после смерти Сталина у нас постепенно налаживалась атмосфера (это было в 1957 г.), была премьера моей оперы «Мать» в Большом театре. На эту премьеру пришел Хрущев с Микояном. Они пригласили меня к себе в ложу. Сначала они высказали свои впечатления по поводу моей оперы, а потом был общий разговор. И я Хрущеву говорю, что получается очень неприятная для партии вещь, потому что люди, которые в постановлении приговорены как антинародные композиторы, являются мировыми корифеями. Это признано всем миром, а пятно остается на партии, которая высказалась о них в 48-м году вот таким образом. И нужно обязательно что-то сделать, чтобы этого клейма на партии не оставалось. Он говорит: мы подумаем. И через несколько месяцев — это было в мае 58-го года — появилось постановление ЦК об исправлении ошибок. Это было, наверное, единственное постановление Центрального Комитета, которое по существу своему дезавуировалось. Писатели до сих пор ничего не сделали, хотя были постановления о журнале «Звезда», «Ленинград», об Ахматовой, о Зощенко.

Во всяком случае перед своими старшими товарищами, нашими корифеями я всегда пре-

клонялся и со многими у меня остались дружеские отношения. У меня были самые нормальные, даже дружеские отношения и с Дмитрием Шостаковичем, и с Арамом Хачатуряном (Арам Хачатурян был просто моим личным другом). Они ко мне никогда не имели никаких претензий, и они видели, что я лично всегда старался помочь избавиться от тех пятен, которые были тогда сделаны.

Вот вкратце мой ответ. Если кто хочет добавить, пожалуйста.

К. Хачатурян: Эта статья вызвала ненависть и гнев всех членов Союза композиторов. Даже у тех, которые, скажем, были настроены по отношению к руководству союза нейтрально или даже оппозиционно. Тон этой статьи, ее клеветническая суть объединили членов Союза композиторов против газеты и против автора этой статьи. Статья подтасована... Эта статья по стилю очень напоминает критику 40-х годов, времен Сталина и Жданова, что вызывает просто удивление.

Там все перепутано, все, как хотелось автору, так и подтасовано. Почему газета «Ключула» на эту дешевую сенсацию? Тем более это сделано в канун фестиваля, например. Это удар несправедливый, удар ниже пояса по нашему руководителю, которого мы все очень ценим и очень уважаем. Это талантливый композитор. Можно любить — не любить, нравиться — не нравиться. Это другой вопрос, но это человек, который принадлежит музыке, очень для нее много сделал. Если хотите, принес себя во многому в жертву, потому что, если бы он не занимался этим делом и не тратил уйму энергии, сил, крови часто на вещи, которые имеют далекое отношение к музыке, чисто организационные какие-то дела, заседания и т. д., он прожил бы, наверное, гораздо более спокойную и счастливую в творческом отношении жизнь. Но он взялся за это дело и сделал доброе дело в трудные времена.

Что касается деятельности Хренникова, я должен сказать, что 40 лет он держался не на штыках, а держался голосованием демократическим, его выбирали от съезда к съезду все большее и большее количество людей. А на последних съездах он почти единогласно проходит. Ведь это же о чем-то говорит. Потому что люди ему верят, люди его уважают. Уважают его ум, его опыт, его мудрость. Мы это не простим и разберемся в этих делах до конца. У нас сейчас гласность, демократия, и, будьте любезны, отвечайте за свои поступки.

Е. Баранкин: Юрий Семенович Корев хотел что-то добавить.

Ю. Корев: Если коллега, задавший вопрос, не устал, то я хотел бы добавить несколько чисто фактических понятий. В жизни, наверное, каждого крупного политического деятеля, да, может, и в жизни почти каждого человека, есть моменты, которые можно назвать моментами истины. Мне кажется, что таким моментом, одним из таких во всяком случае моментов для Тихона Николаевича Хренникова как руководителя Союза композиторов был Второй съезд. Он состоялся девять лет спустя после Первого съезда (57-й год). Это был съезд абсолютной демократии. Это был съезд, на котором голосование проводилось самым открытым, демократическим способом, когда в списке вносились не одна, или две, или десять, или двадцать обязательных фигур, но количество людей, предложенных кандидатами, намного превышало количество тех, которых можно

было бы избрать по уставу. И в этой обстановке — девять лет, повторяю, прошло, тяжелых лет — оказалось, что не прошли почти все секретари, которые были избраны на Первом съезде, не прошло еще несколько очень крупных в свое время функционеров и композиторов, но прошел Хренников.

Второе. Относительно того, как идет в Союзе композиторов перестройка. Я, признаться, уже начал со смехом относиться к соображениям относительно того, что Союз композиторов не перестраивается, начиная с VII съезда. Чем это аргументируется? Нет в Союзе композиторов скандалов, нет в Союзе композиторов разнузданной групповщины, никто не доходит до рукопашной — то, что случилось, к сожалению, в других творческих союзах. Не низвергают авторитеты, уважают авторитетных людей. Разве в этом суть перестройки? А вот смотрите, какие дела Союза композиторов. Наш фестиваль! Я полагаю, что такого масштаба он мог достичь только в наше время. Наш огромный Всесоюзный пленум, посвященный детскому воспитанию, — это, безусловно, то, что возможно было только в условиях перестройки, гласности, демократизма. У нас выступил около ста человек на этом пленуме. Поднимались актуальнейшие вопросы. Наши симфоническая и камерная комиссии, которые работали кое-как, выезжают в республики и города, проводят пленумы, заседания...

Можно привести массу таких фактов. Мы не обольщаемся. Это только начало, это только самые первые шаги.

Р. Черный, корреспондент газеты «Советская культура»: Здесь прозвучали слова о яко-

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы воспроизвели ответы Т. Н. Хренникова и других руководителей союза. Выступавшие назвали статью В. Горностаевой «клеветнической» и «подтасованной».

В чем же усмотрели они клевету и подтасовку в этой статье?

На пресс-конференции секретарь правления СК И. Попов сказал: «Формально в статье все правильно». «Формально» — тут явно ни к чему. Утверждаем и это можно доказать документально — никаких искажений ни текста, ни контекста, ни мыслей Т. Хренникова в статье В. Горностаевой нет. А следовательно, обвинение в «клевете» не находит никакого подтверждения. Оно ни на чем не основано ни формально, ни по существу.

По поводу высказывания Т. Хренникова о том, что ему доклад написали «в недрах ЦК партии» и что к этому докладу он не имеет «никакого отношения» и там нет ни одной его мысли, прямо не знаем, что и сказать. Докладчик — не диктор, и он обычно отвечает

за свой доклад, за все его положения.

Что же касается обвинений в том, будто статья зачеркивает весь 40-летний плодотворный путь Союза композиторов СССР под руководством Т. Н. Хренникова, то просим снова обратиться к самой статье. Там на эту тему вообще нет ни слова. Достижения советских композиторов широко известны, и на страницах «Советской культуры» об этом много и подробно писали и будут писать, пропагандируя все лучшее, что есть в советской музыке.

Однако напомним, что по поводу работы Союза композиторов СССР в условиях перестройки были сделаны и серьезные замечания в острых, критических статьях, опубликованных в последние год-полтора в газетах «Правда», «Известия», в журнале «Театр» и в других изданиях. Да и в нашей газете высказывался целый ряд критических замечаний и конструктивных предложений по работе союза.

Из этих статей становится ясно, что многие нынешние бе-

бы имевшей место на страницах нашей газеты фальсификации, о подтасовке фактов, недобросовестном обращении с материалом. Скажите, пожалуйста, какие конкретные факты не соответствуют действительности?

И. Попов: Формально факты, которые приводятся, соответствуют публикации в журнале «Советская музыка». Но я не случайно построил так свою фразу и первым поставил слово «формально». Нам Тихон Николаевич прямо сейчас рассказал, как было в 48-м году с этим докладом, а в результате того, что цитирование доклада — основное место в статье, получаются серьезные перекосы в восприятии всего этого. Получается даже на деле возвращение к нашим худшим временам, к сталинско-ждановским. Ведь что здесь в результате вышло: получилось так, что 40 лет развития советской музыки на деле в общем не дали ничего.

Зэн Смайли: Когда будет следующий съезд Союза композиторов? И этот вопрос к господину Хренникову тоже. Можно уточнить, что, вы будете еще раз кандидат на это место?

Т. Хренников: Следующий съезд у нас должен состояться в 90-м году. Я надеюсь, что уже к этому съезду мне не хватит терпения больше заниматься моими делами Союза композиторов. В этом году мне исполняется 75 лет, и, по-моему, совершенно достаточно, когда можно ограничить свою такую крупную общественную деятельность и ее закончить. Не думаю, что это нужно сделать завтра или послезавтра, но во всяком случае на новый съезд я свою кандидатуру не буду выставлять в качестве кандидатуры на первого секретаря. Это я вам точно скажу.

ды союза корнями уходят в атмосферу 1948 года, тех гонений на талантливых композиторов, на смелость и новаторство в музыке, которыми отмечены нелегкие в жизни страны годы.

Да, нам еще очень долго придется учиться жить в условиях гласности, учиться не воспринимать критику в качестве «клеветы», «подтасовки» и прочих хлестких определений. Обижаться на правду не следует.

Мы уважаем право каждого на выражение своего мнения. В том числе и по столь сложным вопросам. В этом одна из особенностей демократических процессов в нашем обществе. Сегодня мы все переосмысливаем наше прошлое, сегодня пришло время полной правды о прожитой нами жизни с тем, чтобы освободиться от тяжелого груза нравственных да и других наших ошибок и заблуждений. Именно эти мотивы — в основе публикации статьи «Кому принадлежит искусство!».